

ПРАВДА

о генерале Власове

ПРАВДА

о генерале Власове

Сборник статей

Санкт-Петербург
РУССКИЙ ОСТРОВ
2009

ББК 66
УДК 322
П 68

*По благословию Высокопреосвященнейшего
ВЕНИАМИНА,
архиепископа Владивостокского и Приморского*

Правда о генерале Власове: сборник статей. —
П 68 СПб.: Издательский Дом «РУССКИЙ ОСТРОВ», 2009. — 224 с.

ISBN: 978-5-902565-31-4

© Авторы статей, 2009.
© Издательский Дом «РУССКИЙ ОСТРОВ», 2009
© С.В. Алексеев, оформление: 2008

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю.....	4
О коллаборационизме и власовском движении, <i>патр. Кирилл</i>	7
«Я шел с Евангелием и не боялся...», <i>архим. Кирилл (Павлов)</i>	10
Идея коллаборационизма – угроза России, <i>архим. Тихон (Шевкунов)</i>	12
В единстве русская сила, <i>прот. Владимир Сорокин</i>	18
Русофобия «красная» и «желтая», <i>Александр Казин</i>	24
О церковной проповеди, запретных темах и о том, почему они должны оставаться запретными, <i>свящ. Александр Задорнов</i>	36
Власов. История предательства, <i>Петр Мультатули</i>	41
Трагедия России, <i>диако́н Владимир Василик</i>	64
Ответ Виктору Грянновскому, <i>диако́н Владимир Василик</i>	77
Ответ Виктору Грянновскому – 2, <i>диако́н Владимир Василик</i>	95
Безнравственный облик генерала Власова, <i>прот. Александр Ильяхенко</i>	127
Об антикоммунизме, <i>Андрей Рогозянский</i>	142
«Патриарх выступил как критик постмодерна, общественного и церковного», <i>Андрей Рогозянский</i>	153
«Единством Церкви ради исторических экскурсов протоиерея Георгия Митрофанова никто жертвовать не будет», <i>Андрей Рогозянский</i>	166
Высокомерие убивает понимание, <i>свящ. Александр Шумский</i>	174
Об узлах русской истории, <i>диако́н Владимир Василик, Александр Казин</i>	182
Патриарх не дал написать Евангелие от Иуды для русской истории, <i>диако́н Владимир Василик</i>	195
Кое-что о церковной проповеди и о книге протоиерея Георгия Митрофанова, <i>Алексей Светозарский</i>	200
Крах священника Георгия Митрофанова, <i>диако́н Владимир Василик</i>	213
Послесловие, <i>Юрий Руденко</i>	220

ПОСЛЕСЛОВИЕ

На мой взгляд, эта книга оставляет после себя очень сильное, но необычное впечатление. Составленная, казалось бы, из разнородных материалов — статей, рецензий, интервью, к тому же материалов, принадлежащих авторам, во все не сговаривавшимся друг с другом, людям духовного звания и мирянам, она должна бы пестреть разногласиями мнений и оценок, а между тем, она отличается поразительной цельностью, согласованностью авторских позиций и, что еще важнее, единством своей полемической аксиоматики. Poleмика — и полемика весьма страстная, порой язвительная, но всегда корректная и точная — ведется в связи с выходом в свет книги профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиерея Георгия Митрофанова «Трагедия России: «Запретные» темы истории XX века», но затрагивает эта полемика далеко не всю проблематику книги о. Георгия, а лишь одну сквозную проблему его книги, касающуюся самого большого вопроса истории России XX века. Вопрос этот — об отношении к советскому периоду нашей истории и в особенности об оценке Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.

Если с самой книгой протоиерея Георгия Митрофанова могут или захотят познакомиться далеко не многие, то уж точно многим доступна помещенная в интернете стенограмма ее презентации, состоявшейся 19 мая с.г. в Музее Ахматовой. Все выступавшие там были тоже весьма единодушны в своем отношении к книге и ее автору: они воодушевленно славословили книгу и восхваляли ее автора — главным образом за «смелость», с которой он обсуждает якобы «запретные» темы «истории XX века» и срывает покровы с их «запретности».

Вот лишь некоторые восторженные высказывания, прозвучавшие на презентации:

«...Два начала — свобода и верность традиции — <...> делают книгу о. Георгия при ее открытой политизированности, обращенности к идеологическим проблемам книгой глубоко церковной, подлинно церковной» (доктор филологических наук, профессор П.Е. Бухаркин).

«Тексты о. Георгия — это замечательный и увы! редкий в наши дни пример исключительно христианской, церковной, евангельской оценки того, о чем он пишет. О. Георгий свободен от идеологии и от конъюнктуры. <...> Замечу

вообще, что я не знаю большего патриота и более церковного человека, чем о. Георгий» (игумен Петр (Мещеринов)).

«Я бы <...> хотел сказать о том, что президент России, мне кажется, услышал о. Георгия. Сегодня прошла информация о том, что создана специальная комиссия при президенте для противодействия извращению исторических фактов. Некоторые подумали, что это некий советский реванш и это скорее направлено против того дела, которое делает о. Георгий. Но мне кажется, <...> что эта комиссия призвана развеять советские мифы о нашем прошлом. <...> Поскольку комиссия только приступает к своей работе, я думаю, что надо просто и о. Георгию возвысить свой голос и как-то подсказать, как должна работать комиссия. Потому что те чиновники, которые в нее вошли, пока этого не понимают. <...> Неслучайно СМИ обнародовали эту информацию именно сегодня, к нашему с вами собранию. <...> Значит, [это] Господь нам подсказывает, как нужно действовать дальше. Это, конечно, поднимает служение о. Георгия <...> Правде на совершенно новый уровень» (С.В. Чапнин, главный редактор газеты «Церковный вестник» и «Журнала Московской Патриархии»).

Читатель, конечно, заметил, что проходящая здесь сквозной нитью мысль о «церковности» книги о. Георгия Митрофанова многократно и внимательно опровергается авторами настоящей книги — как с позиций богословско-догматических, так и с позиций актуально-пастырских. Между тем суть восхвалений в ходе презентации «церковности» писаний о. Георгия и их подлинная подоплека были вскрыты с полной очевидностью в оценках недавней и текущей современности протонереем Владимиром Мустафиним и в кликушеских «пророчествах» игумена Петра (Мещеринова).

О. Владимир, сопоставляя позднее советское время с нынешним, заявил: «Где-то до 70-х годов, хотя и была Советская власть, но народ был в значительной степени прежним, еще были живы многие люди, родившиеся до революции и даже воспитание получившие до революции или в 20-е годы. Поэтому <...> еще жили люди, которые потенциально эту власть не должны были принимать — или шли на компромисс, или просто уходили в себя. Сейчас у нас другая страна. Сейчас у нас люди не российские. Это советские люди». — Итак, никакого рубежа между довоенной советской Россией и послевоенной хрущевско-брежневской Россией (не говоря уже о самой Великой Отечественной!) просто не было; были «родившиеся <...> и даже воспитание получившие до революции или в 20-е годы», т.е. «которые потенциально эту власть не должны были принимать» — и уже только «советские люди», а потому «люди не российские», и страна у нас «сейчас» поэтому «другая», т.е., надо понимать, не Россия, а невесть что. Нынче, — продолжает о. Владимир, — «вся интеллигенция «совком» побита. Что бы она ни изображала, Православие ли, что-то еще — все выходит по-советски, «по-совковски», карикатурно, топорно, заменяя только звезду крестом. И раздражение о. Георгия по этому поводу понятно. <...> «Совковость» — это хроническая болезнь, с ней труднее жить-то, тихое помешательство ведь

не лечится». — Если все это обдумать трезво, без приглушенных рыданий оратора, то выйдет нечто «простое, как мычание»: мы с о. Георгием шагаем туда, куда должна пагать история (которой, увы, нет), а все прочие (миллионы «совков») шагают «не туда»...

Тораздо радикальнее высказался игумен Петр: «<...> Большевизм Россию с лица земли ни больше, ни меньше, а просто стер. <...> И мое мнение, что Россия как цивилизация, как христианская культура, как живая преемственная традиция прекратила свое существование. Мы действительно <...> живем в другой стране. И само слово «Россия», которое мы употребляем сейчас, является не синонимом исторической России, а абсолютным антонимом. <...> Этим самым создается <...> атмосфера безумного морока, от которого можно было бы вообще придти в уныние, если бы не отдельные голоса людей, которые оценивают прошлое и настоящее с христианской, и только с христианской, т.е. с церковной, евангельской точки зрения, называют вещи своими именами и говорят об исторической правде. И один из таких людей, и я бы сказал, единственный, может быть, человек в нашей Церкви такого масштаба, это о. Георгий Митрофанов».

Замечателен здесь синонимический ряд: «с христианской, т.е. с церковной, евангельской точки зрения». «Евангельская» точка зрения, согласно игумену Петру, состоит, в частности, в том, что наша победа в войне 1941–1945 гг. «лишила наш народ самой возможности покаяния» и потому столь показателен, поучителен и прекрасен пример генерала Власова: «Массовое сознание воспринимает его только как предателя. О. Георгий увидел в нем то осознание ошибочности выбранного Россией пути, которое должно было бы быть у всего нашего народа. Победа этот росток покаяния задавила окончательно».

А дальше еще решительнее: «<...> В пятой главе книги пророка Даниила повествуется о весах, на которых был взвешен царь Валтасар. И вот мое такое мнение, все более и более усиливающееся, что Россия взвешена на этих ужасных Божьих весах и уже найдена слишком легкой. В России не осталось народа. <...> Русская нация уже умерла духовно и нравственно, и вслед за этим она уже умирает физически. <...> Одной из характеристик жизни современных русских людей является трусость. <...> Мы, к сожалению, нация трусов». «Смелый человек» — это «о. Георгий Митрофанов», потому что в нем «эта смелость не какое-то лихачество безрассудное или, как бывает уже перед отчаянием, наплевательское такое отношение», а «смелость евангельская, смелость христианская».

Правы наши авторы и единогласны в одном: о чем бы ни писал о. Георгий в своей книге, но казуистическое оправдание трусливого, конъюнктурного, бессовестного по сути своей предательства генерала Власова, ряжение его в «православного подвижника», «покаянную жертву» за весь народ русский — вот главная и сквозная «смелая идея» маститого профессора-протоиерея, всё остальное ею окрашено и под нее подверстано...

Один персонаж романа А.И. Солженицына «В круге первом» (как раз из тех простых «русских людей», которые «родились и воспитаны до революции!»)

в ответ на отчаянный, вполне «интеллигентский» вопль главного героя, алчущего, но не взыскающего Правды, отвечает ясно и твердо: «Волкодав — прав, людоед — нет». Может быть, сам Солженицын, подразумевавший под «людоедом» Сталина, и согласился бы, что «волкодав» в этом контексте — Гитлер и его полчища (во всяком случае, В.П. Астафьев в своем последнем романе, а гораздо раньше его В.С. Гроссман в своем «задержанном» свирепой цензурой «людосда» романе «Жизнь и судьба» безоговорочно согласны с этим). Но у истории своя логика, и кому как не носящим сан протоиерея или игумена знать, что она насквозь провиденциальна!.. У народа тоже есть своя логика — нравственно-совестливая, которую нельзя обмануть никакой, даже самой изощренной казуистикой человеческого «мудрования». Согласно этой логике *предательство* — всегда предательство и должно сурово караться по законам человеческой совести и земного суда, а покаяние — это исповедь сердца человеческого перед судом Божиим в смиренной готовности принять и Божью кару, и Божью милость... Перед о. Георгием генерал Власов не исповедовался и ни перед каким другим иереем тоже — это известно достоверно. Суд человеческий (и совестный народный суд) его покарал по его заслугам. Божий суд над ним состоялся, как известно, сразу вслед за исполнением земного приговора, но каков он, нам всем одинаково дано узнать только по Втором Пришествии Христове. Историк не к лицу заниматься чем бы то ни было иным, кроме исследования сохранившихся источников и интерпретации оных в согласии со своей и желательной народной совестью...

14 октября 2009 года.

в праздник Покрова Божией Матери

Юрий Руденко
доктор филологических наук,
профессор Санкт-Петербургского университета